

Лев Николаевич Толстой

Три старца

А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им: ибо знает отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него. (Матф. VI, 7, 8)

Плыл на корабле архиерей из Архангельска-города в Соловецкие. На том же корабле плыли богомольцы к угодникам. Ветер был попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы — которые лежали, которые закусывали, которые сидели кучками — беседовали друг с дружкой. Вышел и архиерей на палубу, стал ходить взад и вперед по мосту. Подошел архиерей к носу, видит, собралась кучка народа. Мужичок показывает что-то рукой в море и говорит, а народ слушает. Остановился архиерей, посмотрел, куда показывал мужичок: ничего не видно, только море на солнце блестит. Подошел поближе архиерей, стал прислушиваться. Увидал архиерея мужичок, снял шапку и замолчал. Увидал и народ архиерея, тоже сняли шапки, почтенье сделали.

— Не стесняйтесь, братцы, — сказал архиерей. — Я тоже послушать подошел, что ты, добрый человек, рассказываешь.

— Да вот про старцев нам рыбачок рассказывал, — сказал один купец посмелее.

— Что про старцев? — спросил архиерей, подошел к борту и присел на ящик.

Расскажи и мне, я послушаю. Что ты показывал?

— Да вот островок маячит, — сказал мужичок и показал вперед в правую сторону.

— На этом самом островке и старцы живут, спасаются.

— Где же островок? — спросил архиерей.

— Вот по руке-то моей извольте смотреть. Вон облачко, так полее его вниз, как полоска, виднеется.

Смотрел, смотрел архиерей, рябит вода на солнце, и не видать ему ничего без привычки.

— Не вижу, — говорит. — Так какие же тут старцы на острове живут?

— Божьи люди, — ответил крестьянин. — Давно уж я слышал про них, да не доводилось видеть, а вот запрошлым летом сам видел. И стал опять рассказывать рыбачок, как ездил он за рыбой, и как прибило его к острову к этому, и сам не знал, где он. Поутру пошел ходить и набрел на земляночку и увидел у земляночки одного старца, а потом вышли и еще два; покормили и обсушили его и помогли лодку починить.

— Какие же они из себя? — спросил архиерей.

— Один махонький, сгорбленный, совсем древний, в ряске старенькой, должно, годов больше ста, седина в бороде уж зеленеть стала, а сам все улыбается и светлый, как ангел небесный. Другой ростом повыше, тоже стар, в кафтане рваном, борода широкая, седая с желтизной, а человек сильный: лодку мою перевернул, как ушат, не успел я и подсобить ему, — тоже радостный. А третий высокий, борода длинная до колен и белая как лунь, а сам сумрачный, брови на глаза висят, и нагой весь, только рогожкой опоясан.

— Что ж они говорили с тобой? — спросил архиерей.

— Все больше молча делали, и друг с дружкой мало говорят. А взглянет один, а другой уж понимает. Стал я высокого спрашивать, давно ли они живут тут. Нахмурился он, что-то заговорил, рассердился точно, да древний маленький сейчас его за руку

взял, улыбнулся, — и затих большой. Только сказал древний “помилуй нас” и улыбнулся.

Пока говорил крестьянин, корабль еще ближе подошел к островам.

— Вот теперь вовсе видно стало, — сказал купец. — Вот извольте посмотреть, ваше преосвященство, — сказал он, показывая.

Архиерей стал смотреть. И точно, увидал черную полосу — островок. Посмотрел, посмотрел архиерей и пошел прочь от носу к корме, подошел к кормчему.

— Какой это островок, — говорит, — тут виднеется?

— А так, безымянный. Их много тут.

— Что, правда, — говорят, — тут старцы спасаются?

— Говорят, ваше преосвященство, да не знаю, правда ли. Рыбаки, — говорят, — видали. Да тоже, бывает, и зря болтают.

— Я желаю пристать к острову — повидать старцев, — сказал архиерей. — Как это сделать?

— Кораблем подойти нельзя, — сказал кормчий. — На лодке можно, да надо старшого спросить. Вызвали старшого.

— Хотелось бы мне посмотреть этих старцев, — сказал архиерей. — Нельзя ли свезти меня?

Стал старшой отговаривать. — Можно-то можно, да много времени проведем, и, осмелюсь доложить вашему преосвященству, не стоит смотреть на них. Слышал я от людей, что совсем глупые старики эти живут, ничего не понимают и ничего и говорить не могут, как рыбы какие морские.

— Я желаю, — сказал архиерей. — Я заплачу за труды, свезите меня.

Нечего делать, распорядились корабельщики, переладили паруса. Повернул кормчий корабль, поплыли к острову. Вынесли архиерею стул на нос. Сел он и смотрит. И народ весь собрался к носу, все на островок глядят. И у кого глаза повострее, уж видят камни на острове и землянку показывают. А один уж и трех старцев разглядел. Вынес старшой трубу, посмотрел в нее, подал архиерею. “Точно, — говорит, — вот на берегу, поправей камня большого, три человека стоят”. Посмотрел архиерей в трубу, навел куда надо; точно, стоят трое: один высокий, другой пониже, а третий вовсе маленький; стоят на берегу, за руки держатся. Подошел старшой к архиерею. — Здесь, ваше преосвященство, остановиться кораблю надо. Если уж угодно, так отсюда на лодке вы извольте съездить, а мы тут на якорях постоим.

Сейчас распустили тросо, кинули якорь, спустили парус — дернуло, зашаталось судно. Спустили лодку, соскочили гребцы, и стал спускаться архиерей по лесенке. Спустился архиерей, сел на лавочку в лодке, ударили гребцы в весла, поплыли к острову. Подплыли как камень кинуть; видят — стоят три старца: высокий — нагой, рогожкой опоясан, пониже — в кафтане рваном, и древненький сгорбленный — в ряске старенькой; стоят все трое, за руки держатся. Причалили гребцы к берегу, зацепились багром. Вышел архиерей. Поклонились ему старцы, благословил он их, поклонились они ему еще ниже. И начал им говорить архиерей.

— Слышал я, — говорит, — что вы здесь, старцы Божие, спасаетесь, за людей Христу-Богу молитесь, а я здесь, по милости Божьей, недостойный раб Христов, Его паству пасти призван; так хотел и вас, рабов Божиих, повидать и вам, если могу, поучение подать.

Молчат старцы, улыбаются, друг на дружку поглядывают.

— Скажите мне, как вы спасаетесь и как Богу служите, — сказал архиерей.

Воздохнул средний старец и посмотрел на старшего, на древнего; нахмурился высокий старец и посмотрел на старшего, на древнего. И улыбнулся старший, древний старец и сказал: “Не умеем мы, раб Божий, служить Богу, только себе служим, себя кормим”.

– Как же вы Богу молитесь? – спросил архиерей.

И древний старец сказал: “Молимся мы так: трое вас, трое нас, помилуй нас”. И как только сказал это древний старец, подняли все три старца глаза к небу и все трое сказали: “Трое вас, трое нас, помилуй нас!”

Усмехнулся архиерей и сказал:

– Это вы про святую троицу слышали, да не так вы молитесь. Полюбил я вас, старцы Божии, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, как служить Ему. Не так надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не от себя буду учить вас, а из Божьего Писания научу тому, как Бог повелел всем людям молиться ему.

И начал архиерей толковать старцам, как Бог открыл себя людям: растолковал им про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого и сказал:

– Бог Сын сошел на землю людей спасти и так научил всех молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И стал архиерей говорить: “Отче наш”. И повторил один старец: “Отче наш”, повторил и другой: “Отче наш”, повторил и третий: “Отче наш”. – “Иже еси на небесех”. Повторили и старцы: “Иже еси на небесех”. Да запутался в словах средний старец, не так сказал; не выговорил и высокий, нагой старец: ему усы рот заросли – не мог чисто выговорить; невнятно прошамкал и древний беззубый старец.

Повторил еще раз архиерей, повторили еще раз старцы. И присел на камушек архиерей, и стали около него старцы, и смотрели ему в рот, и твердили за ним, пока он говорил им. И весь день до вечера протрудился с ними архиерей; и десять, и двадцать, и сто раз повторял одно слово, и старцы твердили за ним. И путались они, и поправлял он их, и заставлял повторять сначала. И не оставил архиерей старцев, пока не научил их всей молитве Господней. Прочли они ее за ним и прочли сами. Прежде всех понял средний старец и сам повторил ее всю. И велел ему архиерей еще и еще раз сказать ее, и еще повторить, и другие прочли всю молитву.

Уж смеркаться стало, и месяц из моря всходить стал, когда поднялся архиерей ехать на корабль. Простился архиерей с старцами, поклонились они ему все в ноги. Поднял он их и облобызал каждого, велел им молиться, как он научил их, и сел в лодку и поплыл к кораблю.

И плыл к кораблю архиерей, и все слышал, как старцы в три голоса громко твердили молитву Господню. Стали подплывать к кораблю, не слышно уж стало голоса старцев, но только видно было при месяце: стоят на берегу, на том же месте, три старца – один поменьше всех посередине, а высокий с правой, а средний с левой стороны. Подъехал архиерей к кораблю, взошел на палубу, вынули якорь, подняли паруса, надуло их ветром, сдвинуло корабль, и поплыли дальше. Прошел архиерей на корму и сел там и все смотрел на островок. Сначала видны были старцы, потом скрылись из вида, виднелся только островок, потом и островок скрылся, одно море играло на месячном свете.

Улеглись богомольцы спать, и затихло все на палубе. Но не хотелось спать архиерею, сидел он один на корме, глядел на море, туда, где скрылся островок, и думал о добрых старцах. Думал о том, как радовались они тому, что научились молитве, и благодарил Бога за то, что привел он его помочь Божьим старцам, научить их слову Божию.

Сидит так архиерей, думает, глядит в море, в ту сторону, где островок скрылся. И рябит у него в глазах – то тут, то там свет по волнам заиграет. Вдруг видит, блестит и белеется что-то в столбе месячном: птица ли, чайка или парусок на лодке белеется. Пригляделся архиерей. “Лодка, – думает, – на парусе за нами бежит. Да скоро уж очень нас догоняет. То далеко, далеко было, а вот уж и вовсе виднеется близко. И лодка не лодка, на парус не похоже. А бежит что-то за нами и нас догоняет”. И не может разобрать архиерей, что такое: лодка не лодка, птица не птица, рыба не рыба.

На человека похоже, да велико очень, да нельзя человеку середь моря быть. Поднялся архиерей, подошел к кормчему:

— Погляди, — говорит, — что это?

— Что это, братец? Что это? — спрашивает архиерей, а уж сам видит — бегут по морю старцы, белеют и блестят их седые бороды, и, как к стоячему, к кораблю приближаются.

Оглянулся кормчий, ужаснулся, бросил руль и закричал громким голосом:

— Господи! Старцы за нами по морю, как по суху, бегут! — Услыхал народ, поднялся, бросились все к корме. Все видят: бегут старцы, рука с рукой держатся — крайние руками машут, остановиться велят. Все три по воде, как по суху, бегут и ног не передвигают.

Не успели судна остановить, как поравнялись старцы с кораблем, подошли под самый борт, подняли головы и заговорили в один голос:

— Забыли, раб Божий, забыли твое ученье! Пока твердили — помнили, перестали на час твердить, одно слово выскочило — забыли, все рассыпалось. Ничего не помним, научи опять.

Перекрестился архиерей, перегнулся к старцам и сказал:

— Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божии. Не мне вас учить. Молитесь за нас, грешных!

И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись и пошли назад по морю. И до утра видно было сиянье с той стороны, куда ушли старцы.